

Эмиль Кио - старший
Царь / об
искусств

Советская культура
25 ноября 1986 г. ◆ 6

ЧИТАТЕЛЬ ВЕДЕТ ПОИСК

«Обязуюсь сделать полное разоблачение...»

При выявлении документов для сборника «Культурное строительство в Нижегородской губернии. 1917—1927 гг.» в фонде губнаробраза мне встретилось несколько весьма любопытных документов. Первый из них — справка Нижегородского губернского отдела народного образования, датированная 9 июля 1926 года. Машинописные строки на пожелтевшей от времени бумаге гласят:

«Дана Эренарду Кио на право устройства сеансов в пределах Нижегородской губернии по следующей программе: 1) распиливание живой женщины на три части, 2) человек-молния, 3) черный кабинет, 4) доска-математик, 5) неисчерпаемый ящик, 6) омоложение на глазах у публики, 7) курица-невидимка и др. при условии полного разоблачения в последний день работы».

Еще один документ — размашистый почерк на розовом «фирменном» бланке — собственноручная расписка Эренарда Кио, что он обязуется раскрыть секреты своих номеров перед публикой.

Современный зритель не усматривает ничего сверхъестественного, магического или мистического в происходящих перед ним на цирковой арене чудесных превращениях, исчезновениях и т. п. Он и слово-то «чудеса» в этом значении тут же возьмет в кавычки. Но массовый зритель середины 20-х годов, когда патриарх отечественных иллюзионистов Эмиль Кио-отец начинал свой творческий путь, был не таков. Простой киносеанс многим еще представлялся необъяснимой загадкой, а уж «чудеса» иллюзионистов и фокусников...

Таких чародеев, магов, факиров в угарной наповской атмосфере появилось несметное множество. Как магнит, притягивала их возрожденная в 1922 году Нижегородская ярмарка. Когда же она закрывалась, факиры и маги разбредались по всей губернии, неся в массы свое «искусство». И шли тогда из уездов и волостей в губернский отдел народного образования запросы, подобные этому:

«Сергачский уполитпросвет настоящим просит сообщить, можно ли допускать к демонстрированию различные вечера «чудес», «тайн» и пр... А также и демонстрацию различных факирских номеров, как то: пробивание гвоздями тела и пр.»

В те годы круг вопросов, решаемых органами Наркомпроса, охватывал, по существу, все стороны культурного строительства в стране. Поэтому на подобные вопросы губернские органы отвечали обычно так: представление разрешается при непременном, однако, условии разъяснения зрителям истинной сущности «чудес».

Не избежал тогда этой участи и Эмиль Кио-старший. В 1921 году молодой артист, гражданской войной заброшенный за рубеж, возвратился на Родину. За его плечами несколько лет скитаний по Польше и Германии, диплом об окончании «Адской академии» Конради-Хорстера в Берлине, работа в цирке Чинизелли в Варшаве. И вот он снова на Родине, в Советской России, колесит вдоль и поперек по ее бескрайним просторам.

«Куда только не забрасывала меня артистическая судьба! — вспоминал Э. Кио. — Я выступал на просторных, отлично оборудованных сценах и на скрипучих подмостках маленьких клубов, в музыкальных раковинах и в самых обыкновенных сараях, наспех приспособленных под выступление. Как в калейдоскопе, мелькали города Ура-

ла, Сибири, Дальнего Востока».

Не миновал он в этих поездках и Нижний Новгород, его ярмарки. Не здесь ли увидел артист и впоследствии описал в воспоминаниях феномен XX века — «женщину-паука», не здесь ли услышал бойкие зазывания: «Заморский паук, не имеет ни ног, ни рук, не спит, не питается, а, как видите, улыбаются». Впрочем, в 1926 году, когда Кио гастролировал в Нижнем, он должен был услышать от владельца зверинца на Нижегородской ярмарке Г. Бойко, который вместе с медведями и попугаями предлагал вниманию публики и «женщину-паука», совсем другие слова.

«Это не «чудо природы», не «магия», не сверхъестественное явление, а опыт, основанный на научных данных, на физико-оптических законах. Это аппарат, изобретенный германским профессором Домаро и создающий иллюзию живой женской головы, висющей в воздухе над паутиной, с приставленными искусственными лапами и туловищем паука. В действительности таких существ в природе, разумеется, нет», — так обязан был хозяин зверинца объяснять зрителям суть своего «феномена». Без данного комментария показ «женщины-паука» не разрешался.

О программе, с которой выступал в Нижнем Новгороде Эренард Кио, мы узнали из найденной в архиве справки. Как видим, некоторые номера Кио-отца и в настоящее время исполняются его сыновьями.

Кстати, почему Эренард Кио, а не Эмиль? Как известно, настоящая фамилия артиста — Ренард, а Кио — артистический псевдоним. «Моя собственная фамилия, — писал артист, — мне не нравилась, казалась недостаточно звучной». Из первой же буквы имени и настоящей фамилии возникло эффектное имя — Эренард. Именно так — Эренард Кио — расписался он под обязательством разоблачить свои «чудеса» в последний день выступлений в кинотеатре «АРС» на ярмарке.

Почему в кинотеатре? Ответ на это дает сам иллюзионист: «В те годы существовала традиция: после сеанса убирали экран, раздвигали занавес — и начинался «дивертисмент». Программа его обычно состояла из трех-четырёх номеров. Выступали певец или певица, балетная пара, куплетист и в заключение обычно шел цирковой номер. Я давал после сеансов «акты фантастической иллюзии».

Без всякого сомнения, номера эти были отработаны с присущим Кио блеском и производили на зрительскую аудиторию очень сильное впечатление. Поэтому, когда после спуска ярмарочных флагов артист решил предпринять поездку по губернии, уездные органы народного образования были предупреждены, что «выступления артиста Эренарда Кио со своими аттракционами... разрешены лишь при условии полного разоблачения всех аттракционов в последний день работы...».

Мы, к сожалению, не имеем документальных сведений, как проходили эти гастроли. Однако нет никаких сомнений, что публика осталась довольна как рукотворными чудесами иллюзиониста, так и их разоблачением. «Чудесами» все-таки больше...

В. КОЛЯБИН,
старший научный сотрудник
Государственного архива
Горьковской области.